

НЕИЗВЕСТНАЯ

РЕЖИССЕР С НЕХОРОШЕЙ БИОГРАФИЕЙ

Впрочем, если бы М. Калик примчался в Кинокомитет с предложением экранизировать «Песню о Буревестнике» или роман «Как закалялась сталь», это все равно вызвало бы у комитетских стражей приступ подозрительности. Режиссер давно уже значился в «черном списке» особо неблагонадежных творцов. За ним числилась подозрительная, с явными рецидивами «абстрактного гуманизма» «Колыбельная», осужденный за «формалистические выкрутасы» «Человек идет за солнцем». А самый главный грех — картина «До свидания, мальчики», которую квалифицировали как «идеологическую диверсию» и «подрыв основ». Недаром главный идеолог брежневской поры М. А. Суслов лично распорядился: «За рубеж не выпускать, в стране не показывать».

Да и вся биография этого режиссера какая-то «нехорошая», настораживающая — прямо со студенческой скамьи был взят славными чекистами по делу о подготовке покушения на жизнь отца народов. Сидел, был реабилитирован, снова принят в институт. Получил диплом с отличием, но намеренно озлоблен против Советской власти. Чего от такого ждать? Это он-то собирается распевать на экране нежные гимны чистой советской любви?

Надо было проявить бдительность. Тем более что и на сей раз М. Калик затеял явно нечто подозрительное — проследить игровые новеллы документальными кадрами, снятыми на улицах советских городов. Чего ради?

БЫВАЕТ ЛИ ЗЛОСТЬ ОТ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ?

Сценарий, как и положено было в таких случаях, пустили по рукам штатных и внештатных сотрудников Главной сценарно-редакционной коллегии (кинематографисты называли ее Главпятичкой).

Н. Суслов, недолго пребывавший в чине старшего редактора, поддержал замысел М. Калика горячо и безоговорочно: «Должен получиться фильм светлый, порой чуть-чуть грустный, порой даже веселый, но который обязательно должен возволновать зрителя и затронуть сокровенные струны души». Сценарий, обнаружив в нем любимый «коллаж», благополучно и С. Юткевич.

Но не все были настроены столь благодушно. Сигнал тревоги подал М. Блейман, опытейший критик и драматург, личный консультант министра. Иронически пересказав все детали новелл сценария (в фильме их останется только четыре), он резюмировал:

«Так вот — замысла нет. Истории то анекдотичны, то импрессионистичны, то пошловаты. [...] Непонятно, зачем в таком сценарии хроникальные кадры войны и военного героизма! Незачем, зачем в таком сценарии снимать какие-то интервью и диспуты, и споры! О чем будут спорить персонажи! О том, что любить хорошо, а не любить плохо! О том, что без любви не нужно сожительствовать! О том, что любовь проходит! О чем!

При чем тут пыльное предисловие о том, что в сценарии будет дана эстафета поколений, и о том, что сценарий будет будить лучшие нравственные чувства? И где в сценарии великая сила любви! Ничего этого нет...»

Я написал обо всем этом зло. Но злость от доброжелательности. Если бы это хотел ставить кто-нибудь, какой-нибудь режиссер, возможности которого ничтожны и умение примитивно, а бы ничего не сказал — Бог с ним. Ну пусть будет еще одна плохая картина [...] Но это хочет ставить М. Калик — человек очень талантливый, заслуживающий высокого замысла, способный его выполнить, осуществить, реализовать [...]

Постановка каждой картины — это судьба. От этого не уйдешь. И если он сам не способен ответить за свою судьбу и о ней думать, в этом обязанность художественного руководства. Редакционная коллегия — не только цензура, но и руководство. Это руководство Калику необходимо».

ЧТО ЭТО ЕЩЕ ЗА «ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»?

Тем не менее фильм, хоть и со скрипом, все же запустили. Режиссер с головой ушел в работу, снимал азартно, отчаянно, смело. В феврале 68-го картина была завершена и представлена комитету. В сопроводительном послании студия при всех оговорках недумно преподнесла картину как свое творческое достижение (запомним это!).

Михаил КАЛИК:

«ПРОШУ УБРАТЬ МОЕ ИМЯ ИЗ ТИТРОВ...»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАПРЕЩЕНИЯ

Но ценители прекрасного из Малого Гнездицкого оценили работу Калика иначе: зам. начальника Главки И. Кокорев накатала разное, где главный удар пришелся на документальный ряд. Авторы фильма ввели в ткань игровой картины огромное количество документальных интервью, взятых у самых разных людей. В той или иной форме им задавался один и тот же вопрос: «Что вы думаете о любви? Существует ли любовь?» и т. д.

Эта социолого-психологическая киноанкета (руководитель документальных съемок — Ина Туманян) выявила картину достаточно безрадостную. Реальные люди, выхваченные из обычной уличной толпы, из пестрой молодежной массовки, собравшейся на заурядной танцплощадке, отвечая на вопросы авторов фильма, либо пережевывали на экране убогие слова расхожих казенных формул, либо открывали следующие образцы: «Любовь бывает только у животных», «Любовь на свете нет, а есть привычка к человеку», «Сейчас, знаете, здоровые дорожки прежде всего, дорожки любви. Хе-хе-хе», «Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы, оглянувшись назад, можно было увидеть кучу бутылкок и массу красивых женщин».

Документальные кадры неумолимо свидетельствовали: в стране идет процесс деградации, разрушения морали, распада вековой системы высших нравственных ценностей. На общество нависает нарастающий оползень цинизма, безверия, бездуховности. М. Калик чутко зафиксировал эту опасную тенденцию развития общества, но, вместо того чтобы быть услышанным, был гневно обвинен в тенденциозном подборе документального материала.

Может показаться, что степень яростной реакции стражей филологии «развитого социализма» на фильм М. Калика не совсем соответствует тому заряду социальной критики, который непосредственно был заключен в самих документальных кадрах. Ну, подумаешь, на экране промелькнуло несколько молодых циников, туповатых, придавленных людей. Подумаешь, сокрушение основ. Но дело в том, что сила, выразительность этих кадров многократно усиливались, обострялись в контексте фильма.

«Картина выстраивалась многократно, — рассказывает М. Калик, — собственно, и сам документальный ряд не был однородным. Помимо интервью, снятых и прямой, и скрытой камерой, фильм пунктирно пронизывали немые кадры — одинокие пары, одинокие женщины... Это были своего рода минималистические, музыкально-пластические этюды. Это были тоже документальные съемки, но уже совсем иного рода. Более возвышенные, более эмоциональные».

И был еще третий ряд — титры с текстами, строки из «Песни песней». В сценарии я только обозначил, что будут титры, но содержание их обозначил достаточно нейтрально — некие стихи о любви, то, другое. Но при монтаже картины ввел строки из «Песни песней». Они шли через весь фильм, пронизывая все новеллы, скрепляя их и давая всему повествованию камертон. Конечно, когда А. В. Романов и его помощники это увидели, они были в обмороке. Как это можно докатиться до такой наглости, чтобы в советском фильме пропагандировать Библию! Целая буря разразилась по сему поводу. Тем более что рядом еще один криминал — в фильме «с проповедями» выступает священник. Да еще настоящий. Да еще и умный. И прекрасно владеющий словом. Это был отец Мень... Ина Туманян, моя ближайшая помощница по документальным съемкам, нашла его в маленьком приходе под Москвой. Тогда он был молодой, красивый и такой же мудрый. И, конечно, он не то что на голое, но просто нестерпимое пыле был все тех, что в нашем фильме пытался говорить о любви, о браке, о тинисте... Конечно, если бы те же мудрые и прекрасные слова произносил какой-нибудь знаменитый сталева, или председатель какого-нибудь горисполкома, или секретарь Комсомольской организации, наверное, Романов с Баскаковым были бы счастливы. Но ведь говорит священник! Как можно!! Тем более что рядом с ним представляется славной советской молодежи выглядящий такими жалкими и убогими. Вырезать под корень!»

ВМОНТИРОВАННАЯ НАВЕРНОСТЬ

«Председателю Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР тов. Романову А. В.

от кинорежиссера Калика М. Н.

20 февраля этого года на киностудии «Молдова-фильм»

фильм [г. Кишинев] была закончена производством кинокартина «Любимый...» («Десять раз о любви»). Я являюсь автором сценария и режиссером-постановщиком этого фильма.

Фильм был сдан художественному совету студии, а затем был принят Комитетом по кинематографии при Совете Министров Молдавской ССР и представлен Комитету по кинематографии при Совете Министров СССР.

Однако союзным комитетом фильм не был принят, были высказаны некоторые замечания и пожелания, оформленные в официальном заключении комитета.

При окончательном монтаже картины я учел эти замечания и почти все их выполнил.

Республиканский комитет, однако, счел сделанные мной поправки недостаточными [...]. Киностудия «Молдова-фильм» по распоряжению комитета, воспользовавшись тем обстоятельством, что я был болен, сделала, помимо моей воли, вырезки целого ряда эпизодов фильма, исказив его художественную и идейную суть.

Произошло грубое надругательство над авторским правом и ПРАВОМ вообще. Насколько мне известно, в истории советского кинематографа такого еще не было.

Как автор сценария и режиссер-постановщик фильма, как художник, как человек, отдавший работе над фильмом полтора года жизни, я решительно протестую против административного произвола. Прошу Вашего срочного вмешательства.

Зов о срочном вмешательстве был услышан, но по-своему: министр не ответил режиссеру, а, запросив у своих подшефных отчет о том, «все ли предложенные изменения были в фильм внесены». По-резанную картину вновь повезли в Москву. В сопроводительном рапорте деловито были перечислены все произведенные самой студией изъятия. Устрашающий перечень произведенных поправок занял несколько страниц.

Увы, и эти обильные кровопускания, проведенные без участия самого автора, не удовлетворили московское начальство. Картина вновь была категорически отвергнута:

«[...] частичные сокращения, которые были произведены по фильму, не устранили серьезных идейных недостатков картины [...] По-прежнему мы вынуждены констатировать, что авторская концепция фильма «Любимый» остается неверной, главным образом, в силу неверного отбора хроникального материала. Картина в целом не изменилась по существу. Поэтому наше заключение по предыдущему варианту остается в силе.

Главное управление художественной кинематографии не может принять фильм «Любимый» и выпустить на экран.

Главный редактор Сценарно-редакционной коллегии

И. Кокорев».

На «Молдова-фильм» снова закипела работа. Теперь

Увы, М. Калик ошибается! Подобные истории случались не раз (В. Ф.).

любви, нравственной эстафеты поколений, которая преобразует человека, делает его чище, красивее, поднимает его над прозой будничности. (...) Слова Ленина о том, что «коммунизм должен нести с собой не только аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полной любовью жизни», могут быть эпиграфом к будущей картине. (...) Свежесть замысла заключается также в драматургически оригинальном решении сценария — предложение и спящие художественного замысла с документальным рядом. (...)».

кромали картину совсем варварски — Калик по-прежнему был отстранен. В июне 1968-го теперь уже окончательно изуродованный фильм опять повезли в Москву на дегустацию. Орудиный рапорт впечатлял:

«...Всего из фильма «Любимый...» исключено более 400 метров прежней хроники и смонтировано около 160 метров новых кадров, подчеркивающих серьезное и здоровое отношение нашей молодежи к любви, к вопросам нравственности и морали.

Ряд поправок внесен также в первую, вторую и третью игровые новеллы.

Из новеллы «Осень», например, выпали кадры с обнаженными в постели, весь диалог с шофером такси у остановки за городом, реплики милиционеров, заново переомонтировано несколько раздражающих ранее реплик, что в целом придало новелле более целомудренное и глубокое звучание, отношения героев друг к другу освобождаются от налета пошлости и вульгарной обидчивости...» И т. д. и т. п.

Теперь фильм был изуродован уже до такой степени, что высшее киноначальство могло бы уже и успокоиться. Ведь из фильма не только вырезали «крамолу», но и вставляли «благочинное».

ПРИЗНАК АВТОРСКОГО ПРАВА

Рассказывает М. Калик: «Ройсь о отягченных нами материалах, спасательных «парашютиках», «неприятных» документальных кадров нашли варианты более нейтральные, успокоительные. То были не всегда искренние, но вполне дежурные ответы наших интервьюруемых в этакое здоровое комсомольское духе. Ими-то и пытались теперь «подпереть» картину. Причем не погнущались использовать то, что можно было попросту выброшено в корзину как абсолютно неудачное и неприемлемое...»

В Москве поморщились, но дали понять, что картину сейчас принять можно. Но то, что соответствовало вкусу титулованных ценителей прекрасного в Малом Гнездицкомском, не соответствовало представлениям самого автора. М. Калик категорически потребовал либо восстановить фильм в соответствии с его авторским замыслом, либо убрать его фамилию из титров. Он обратился за помощью во Всесоюзное управление по охране авторских прав. Оттуда поступил запрос министру.

Ситуация складывалась неординарная. До сих пор спокойно резали, крушили, ломали фильмы, и все сходило с рук. А тут вдруг в кои-то веки напомнило о себе призрачное агентство по охране авторских прав. Как бы и в самом деле чего не вышло! Министр созвал своих подчиненных и получил вполне успокоительный ответ:

«Указанные действия студии по завершении фильма были согласованы с Госкомитетом Совета Министров Молдавской ССР по кинематографии и идеологическим отделом ЦК КП Молдавии».

Почувствовав твердую почву социалистической законности под ногами и убедившись, что тылы надежны, Кинокомитет абсолютно проигнорировал обращение ВААП. Режиссеру оставалось теперь только одно — воззвать о помощи к богам из ЦК КПСС. В архивном деле фильма сохранились косвенные следы этого обращения:

«Т. Егорову Ю. П., Кокореву И. А., Котову Е. С. Тов. Дубровин А. Т. передаю вам свою просьбу, касающуюся вопроса о жалобе М. Калика.

М. Калик предлагает два выхода из создавшегося положения:

1) снять его имя в титрах принятого комитетом фильма «Любимый»;

2) просмотреть (на уровне руководства комитета и Главки) его версию картины, высказать ему претензии и договориться о приемлемой основе фильма так, чтобы Калик мог сохранить свое имя в титрах картины.

Тов. Дубровин просит попытаться принять второй путь, то есть просмотреть картину М. Калика (копия — у него самого, и он готов доставить ее в комитет), предложить ему замечания и решить, возможно ли найти общий с ним язык.

Прошу Вас сообщать об этом деле руководству комитета и решить вопрос о времени просмотра фильма (если Вы сочтете необходимым этот просмотр проводить).

Член сценарно-редакционной коллегии

Т. Соколовская.

27.XI.68».

ГСРК обратилась за разъяснениями к заместителю председателя комитета Баскакову В. Е.: как надобно

СОВРЕМЕННОСТЬ

на однажды и было заведено уголовное дело. Я был обвинен в «частном предпринимательстве», в нарушении якобы каких-то законов. Показывая свои фильмы и выступая на своих авторских вечерах за самые скромные гонорары, я делал то же самое, что и многие другие наши режиссеры. Ни на кого уголовных дел за такую деятельность не заводили. Почему же на меня заведи? Наверное, был более чем прозрачен: уголовное дело на меня заведи буквально тотчас же, как только я подал документы на выезд в Израиль. И месяц не прошел! Кому-то, видно, захотелось на моем примере преподнести наглядный урок, чтобы непонятно было тем, кто вдруг надумал последовать за мной следом. Ведь я подал документы на выезд, пожалуй, что, первым.

Воспользовавшись заведенным уголовным делом, однажды нагнали ко мне домой с обыском. Перевернули весь дом. Искали явля какой-либо «компромат», самиздатовские материалы, чтобы подвести под какую-либо статью. Ничего не нашли.

Были у них и другие цели: забрали все наши сберкнижки, деньги, которые у меня тогда были, все ценности, описали квартиру.

Арестовали и личные копии моих картин. В том числе и фильма «Любимый». Все это было сделано демонстративно, намеренно, чтобы прижать меня к стенке, запугать других. Но что касается меня, то я ведь уже был пуганым — прошел такую лагерную школу, что для меня все это действо выглядело уже неважной шуткой.

Прошло три месяца, и дело закрыли. Меня официально о том уведомили. Но арестованные телескопические копии моих фильмов не вернули! Дескать, по закону об авторском праве они являются собственностью студии, должны принадлежать государству. Я уже был тогда в таком состоянии, что не стал возвать. Плюнул просто. Это было последней каплей.

Нужно сказать, что обыск под видом ОБХСС проводили работники КГБ. Они этого и не скрывали. И когда забрали копии, я надеялся, что поставят на коробках с пленкой какие-то значимые латинские буквы «ХВ», но не «Христос воскрес», а «грядущие вечно». И надеялся в душе, что где-нибудь в своих подвалах будут «хранить вечно» эту последнюю, единственную успешную к тому времени авторскую копию.

Когда в 1989 году я по приглашению Союза кинематографистов СССР приехал в Советский Союз для восстановления картины, мне сказали, что будто какая-то копия фильма «Любимый» хранится в Бельгии Столбах. Загнались, надежда: может быть, это как раз та, что у меня в 1970-м забрали сотрудники КГБ? Может быть, они ее передали после моего отъезда в Госфильмофонд? Увы, оказалось, что этот вариант уже изуродованной студийской картины.

Правда, остались коробки документального материала, не вошедшего тогда в картину. Там в основном сохранились кадры со священником Мень. Ина Туманян берегла у себя дома и надежде когда-нибудь использовать их. Но дома разве сохранишь? Даже и эти немногочисленные материалы попортились. На студии нашлись какой-то кусочек — он эти стародавние, иссохшие материалы взялся спасти. Вымачивал, отпаривал, колдовал и привел в норму.

Пытаясь реконструировать картину, мы ввели эти спасенные кадры вновь. Восстановили все титры из «Песни песней», выброшенные когда-то по настоянию А. Романова. Ну, конечно, выкинули всю «грязь», которую когда-то в фильм напихали против моей воли. Вот и все, что удалось сделать.

Что будет дальше с картиной? Не ведаю пока. Может быть, когда-нибудь все же дождусь ее настоящей премьеры...»

Валерий ФОМИН.

М. Калик на съемках фильмов. 60-е годы.

